

Марианна Красовская

КУХАРКА ТАЙНОГО СОВЕТНИКА

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-312.9

ББК 84.4

К78

Содержит сцены распития спиртных напитков.

Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Красовская, М.

К78 Кухарка тайного советника / М. Красовская, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 272 с.

ISBN 978-5-517-13111-9

Мне сегодня исполнилось сорок, и я неудачница по жизни. Нет, это слишком сильное слово. Я просто никто. Незнакомец из соцсети предлагает мне изменить жизнь. А почему, собственно, нет? Терять-то мне нечего. Сейчас кааааак забросит меня в тело молодой и талантливой магички... Нет? Я и в новом мире останусь сорокалетней неудачницей без образования? Ничего не поделать, придется выживать. Уж кухаркой-то работать я точно смогу.

BIC FM

BISAC FIC027030

© Красовская Марианна, текст, 2025

© ИДДК

© RUGRAM, оформление, 2025

© Т8 Издательские технологии, 2025

ISBN 978-5-517-13111-9

Пролог

Я бодро ковыляла по лесу и выразительно материлась себе под нос. Под нос — потому что лес был незнакомый, и кто его знает, какие здесь звери водятся. Я, конечно, только белку видела, но вдруг тут кто покрупнее есть? Не материться и вовсе не получалось, я все же не леди, а обычная женщина. К тому же безработная. Чуть ли не маргинал.

Удобнейшие в момент покупки кроссовки жали во всех местах. Ноги были мокрые и холодные — бодрящее сочетание. Куртка до пояса — тоже не самый удобный вариант для прогулки. Это в метро хорошо, тепло и не дует. А когда скачешь по кочкам, она постоянно задирается, оголяя поясницу. В моем почтенном возрасте за здоровьем надо следить особенно тщательно. К тому же почки не казенные, они и так значительно подпорчены неумеренным потреблением алкоголя и жесткой московской водицей. Не хватало мне сейчас их продуть. Тогда я точно вылечу с этого несчастного шоу на выживание.

Исходя из логики, меня не должны закинуть совсем уж в тайгу за много километров от цивилизации, да и растительность была наша, среднерусская. Сосны там, ели, папоротники всякие. Пару раз видела и грибы, похожие на съедобные. Но сырые грибы едят только белки и ежики, а спичек у меня не было. Да и отличить белый гриб от ложного я не смогу.

Во всяком случае, организаторы не обманули: апатию и сожаления о прошлом как рукой сняло. Вон как скачу по кочкам, словно мне и не стукнуло вчера сорок.

Глава 1

«Ты нам подходишь»

— Не звони мне больше, слышишь? Я не хочу тебя знать. Никогда. Как ты вообще узнала этот номер?

— Маша, послушай...

— Забудь! У тебя нет дочери и никогда не было. Живи своей жизнью, а меня оставь в покое!

Я сжала телефон в руках, не в силах слышать ее голоса. Было больно. Говорят, время лечит. Это не так. Ни черта оно не лечит. С каждым днем все больнее.

Маша, доченька моя! Почему ты так со мной?

Впрочем, мне ли не знать! Предала, продалась, прогнулась!

Я родила дочь от папиного друга.

Отец орал, мать рыдала. Еще бы — дочь мэра города, образцовая семья — и такой скандал!

Я ведь была такой тихой, такой послушной девочкой... Умная, как папа, красивая, как мама. Круглая отличница, участница конкурса мисс города. Не победительница — это было бы слишком вызывающе, но приз зрительских симпатий был мой. Я собиралась поступать в медицинский, выбрала вуз, занималась с репетиторами. И тут все планы пошли прахом.

Я так и не призналась, кто Машин отец.

Я сбежала из дома.

Я уехала в Москву с дагестанцем Замиром. Все же я была по-прежнему молода и красива. Правда, оказалось, что в Москве у него не только братья, но и жена с детьми, но я была не в обиде. Он помог мне найти квартиру и устроил на работу в шашлычку.

Мне всегда нравилось готовить. Еще в родительском доме я научилась печь торты и даже сходила на несколько ма-

стер-классов. Оказалось, торты могут приносить некоторый доход, особенно если у тебя на руках постоянно болеющий ребенок. Сначала мою выпечку заказывала родня Замира, потом я нашла работу в кафе поближе к дому. Пару раз приносила торты на работу, руководство попробовало, и ему понравилось. Через два года я была главным кондитером в кафе.

Машка много болела, росла капризным и упрямым ребенком. Сейчас я понимаю, что ей было мало моего внимания, вот она и закатывала истерики. Но мне едва исполнился двадцать один год, я неплохо зарабатывала, но очень уставала. Приходила домой, хотела посидеть в тишине, а дочь требовала с ней рисовать, играть, рассказывать сказки. Я была плохой матерью.

Когда Маша пошла в школу, наши отношения были далеки от идеальных. Мы почти не разговаривали, постоянно ссорились, спорили. Я пыталась покупать ей игрушки и красивую одежду, предлагала сходить в кино, но после краткого момента перемирия война начиналась с новыми силами.

Маша не любила учиться, не хотела делать уроки. Я, когда-то круглая отличница, не могла ее понять. Я видела, что учеба дается ей легко, но оценки все равно были хуже некуда. Единственное, что ей нравилось — иностранные языки. Я нанимала ей репетиторов, водила в языковые клубы. К десяти годам Маша сносно говорила на английском и начала учить итальянский. Казалось, все начало налаживаться. У меня уже была кондитерская студия, я присмотрела небольшую квартиру в новостройке, дочка, кажется, начала прислушиваться ко мне. Но потом случилось самое страшное событие в моей жизни: Маша заболела. Врачи поставили диагноз: лейкоз. Нужна была терапия и впоследствии пересадка костного мозга.

Никакой квартиры я, конечно, не купила. Все финансы уходили на лечение. В один день я поняла, что не справляюсь. Подруги — у меня еще были тогда подруги — нашли клинику в

Германии, где готовы были нас принять. Но у меня не было такой суммы денег, и даже кредит я взять не могла — ведь мне пришлось бы уволиться с работы и ехать с Машей в Дрезден.

Я позвонила родителям. Я клялась себе, что никогда не попрошу их о помощи, но в тот день я рыдала и выла в трубку, я готова была на коленях ползти из Москвы до их дома, только бы они спасли моего ребенка.

Они спасли.

Вот только потребовали, чтобы я отдала Машу им и навсегда исчезла из ее жизни.

Говорят, что не бывает безвыходных ситуаций. Бывают ситуации, выход из которых нам не нравится.

Я согласилась на их условия. Маша при таком раскладе получала лучшее лечение. У нее были высокие шансы выжить. Если бы я отказалась, она бы, скорее всего, умерла. Единственное, что я могла — заставить их пообещать, что они не будут мешать Маше учить языки. Быть переводчицей тоже неплохо.

Они думали, я ничего не буду знать. Но тетка, мамина сестра, регулярно писала мне письма и присылала фото. Я знала, что Машу вылечили, что она увлеклась балными танцами и даже выиграла несколько конкурсов. Я знала, какие у Маши оценки и когда у нее начались месячные. Пару раз я ездила на ее выступления.

Иногда мне хотелось коснуться ее, обнять, услышать ее голос, но звонить ей было бессмысленно.

Училась она по-прежнему неважно, но уже знала итальянский и французский.

Тетка писала, что мои родители обожают Машу. Что ей с ними хорошо. Что она обо мне не скучает. Пусть. Главное, что она живая. Эта мысль и сейчас служит мне утешением.

Она живая, и она счастлива. Два года назад Маша вышла замуж за итальянца. Вчера тетка сообщила мне, что я стала бабушкой — Маша родила близнецов.

У нас в роду это нередкое явление: тетка с мамой тоже двойняшки. Я рада, что эта чаша миновала меня. С двумя я бы не смогла.

Я до боли хотела услышать Машин голос. Что ж, услышала.

Жизнь продолжалась, но без дочки она имела мало смысла. Кондитерскую студию я продала. Квартиру так и не купила — на что она мне? Проживу и в съемной. Было время, когда я много пила. Выкарабкалась, но хорошую работу потеряла. Теперь моя жизнь пуста. Я ни к чему не стремлюсь. Мужчины у меня нет. С подругами идем разными дорогами.

Я вышла на балкон и, свесившись через перила, поглядела вниз — на мокрый асфальт, блестящий в свете фонарей. Прыгнуть, что ли?

Нельзя, завтра на работу. Завтра банкет. Подставлю неплохих в принципе людей.

Вернулась в комнату, залезла в телефон.

Жаль, что Маша свою страницу Вконтакте закрыла. Раньше у меня хоть какие-то фотографии были.

Контекстная реклама снова и снова предлагала мне «изменить свою жизнь», «начать сначала», «уйти от проблем в другую реальность».

Но я давно для себя знала, что ничего в прошлом менять бы не стала. Самые печальные моменты в моей жизни так или иначе связаны с дочерью: тяжелые роды, скитание по подругам и мужикам, болезнь Маши. Я не хочу, чтобы что-то изменилось. Я просто счастлива уже тем, что она жива и, судя по всему, любима своим итальянцем.

Как я устала... выживать. Каждый день барахтаться. Москва — город не для слабаков. Не для таких как я — глупых доверчивых женщин со склонностью к алкоголизму. Но если прожил тут пятнадцать лет — уехать сложно. Привыкаешь к зарплате, к доступности благ цивилизации. В Москве не так уж и плохо с работой, во всяком случае, лучше, чем в провинции. Особенно если у тебя нет никакого образования, кроме

пары прослушанных курсов по кулинарии. Ой, ладно, кому я вру. Поваром я в любом городе могу устроиться. Только зачем? Мне сегодня исполнилось сорок лет. И я совершенно одна.

У меня нет никаких целей в жизни.

Я растеряла всех подруг.

Моя единственная дочь меня ненавидит.

Я хочу выпить. Прямо сейчас. И что с того, что алкоголя у меня в квартире нет? Внизу есть круглосуточный магазин.

С бутылкой водки жалеть себя будет значительно приятнее.

Уйти от проблем в другую реальность — это наркотики что ли? Не, это слишком дорогой способ самоубийства. Хотя, наверное, приятный.

Я накинула плащ и надела резиновые сапоги, задержавшись у зеркала в прихожей.

Хороша!

Коротко остриженные волосы непонятного бурого цвета, ввалившиеся глаза, длинный нос. Когда я последний раз ела? Вчера утром на работе? А до этого? Позавчера утром на работе.

Себе я давно ничего не готовила. Черный хлеб, шоколадка Альпен Гольд — 43 р. по акции, иногда йогурт. Мне хватало.

Отражение меня напугало. В зеркале отражалась изможденная страшная тетка лет пятидесяти с хвостиком.

Наверное, это было последней каплей. Я съехала по стенке на пол, сжалась в комочек и разрыдалась — громко, с подвываниями, со всхлипами. Все же я надеялась, что дочь со мной хотя бы поговорит.

А сейчас... сейчас у меня в груди словно дыра. И ничем ее не закрыть.

Слезы иссякли, а дыра осталась.

Вытащила телефон из кармана, нашла навязчивый рекламный пост про другую реальность. Нажала на кнопку «сообщение».